

— Как пришли вы? Был толчок?
— Этого я вам не стану рассказывать.
— Значит, был.
— Есть мистический опыт, о котором нельзя говорить вслух. Это тайна.
— Хотя бы намеки.
— Я же сказала: нет.

Читайте духовные книги, узнаете, какие пути люди находят к Богу. Но вы не хотите читать, вы надеетесь от меня услышать что-нибудь скандальное. А это уже не нужно мне, как, например, не нужны и подробности из жизни Николая Сванидзе.
— А при чем тут Сванидзе?

— К слову пришлось. Я читала ваше интервью с ним...

Мне скучно наблюдать за жизнью невоцерковленных людей, думаю, и вам жить скучно, но вы в этом не признаетесь даже себе.

— Вроде не жалуюсь.
— Да, но от меня почему-то ждете рассказа о страшной трагедии, которая привела меня в храм. Тогда вы мигом оживились бы.

— Страшное или не страшное, но что-то ведь наверняка с вами случилось. Иначе как вы, дочь советского поэта Сергея Васильева, внучка апостола отечественной педагогики Антона Макаренки, дошли бы до жизни сегодняшней?

— Дочка, внучка, тучка, Жучка... Какое это имеет отношение к Господу? Есть человек верующий и человек неверующий. Моя жизнь до крещения и воцерковления была одной, сегодня она совершенно иная. Поэт Васильев, педагог Макаренко остались в моем прошлом, зачем вы опять меня туда отсылаете? Я не хочу возвращаться. Меня сейчас волнует спасение собственной души.

— Вы готовы забыть то, что было?

— Почему обязательно забывать? Тут другое. Я молюсь за дедушку и за папу. Понимаете, если человек неверующий перебирает старые письма и фотокарточки, чтобы оживить воспоминания, то верующему это не нужно, он молится за ближнего. К сожалению, я молюсь мало. Много времени отнимают обязанности казначей нашего прихода, другие поручения батюшки, но в молитвах я всегда вспоминаю родных мне людей.

У меня были совершенно замечательные дед и отец, но они жили в другую эпоху, и только Господь может знать, веровали они или нет. Оба они были крещены, поэтому я уповаю на Бога, моля об упокоении их душ.

— И все же: был ли в вашей семье культ Макаренки?

— Нет. А воспитанники деда постоянно гостили в нашем доме —

это правда. Многих героев «Педагогической поэмы» я знала, что называется, живьем.

— Интересно, с отцом Григория Явлинского вы встречались? Он ведь тоже из учеников Антона Семеновича.

— Моя мама дружила с отцом Григория Алексеевича, а я его помню плохо.

...Поймите, я не пытаюсь уйти от ваших вопросов, но в моей жизни произошла принципиальная переоценка ценностей. Поэтому сегодня мне трудно говорить об Антоне Семеновиче Макаренко. Я скорблю о том, что он не был в церкви — тогда, уверена, у него многое сложилось бы по-другому. Опять же — единственное оправдание: атеистическая страна — дед не ведал, что творил...

— Но вы-то ведали, однако зачем-то направили единственного своего сына во ВГИК, помогли ему выбрать именно ту профессию, от которой сегодня бежите...

— Митя ушел из актеров, но я не стану вам о сыне ничего рассказывать — батюшка не благословляет меня на это.

— Екатерина Сергеевна, вы говорите со мной так, словно я засланный казачок, задача которого разнюхать военные секреты.

— Вы и есть казачок.

— А вы, значит, прикрываетесь благословением батюшки? Так проще, наверное: умываете руки и перекладываете ответственность на другого.

— Неправильно мыслите. Из каждой ситуации всегда есть два выхода — один трудный, но верный, второй простой, но ошибочный. Человеческая натура слаба, поэтому люди часто выбирают то, что полетче. Если же вы доверяете себя духовному руководству, то тут послабления быть не может.

— Полагаете, то, что полетче, всегда хуже?

— Как правило. Можно продолжить синонимический ряд: легче, удобнее, приятнее.

— Что же тут плохого?

— Это вредно для души. Часто все, что нам кажется хорошим, в действительности отвратительно.

— Зачем же жить, если себе во всем отказывать?

— Жить ради спасения души.

— А тело, как же тело?

— Плоть нужно убивать.

— Это вы серьезно?

— Шучу...

Конечно, православие — это определенный аскетизм, поэтому оно вам так и не нравится: вы боитесь любых ограничений свободы своих бесконечных желаний и разнузданных страстей.

— Это тоже шутка?

— Нет. Посмотрите на интеллигенцию: она в основном пред-

почитает толстовство, живет без церкви, постов не соблюдает. Это дело серьезное.

— Вы осуждаете толстовство, говорите о чистоте православных идей, но тем не менее согласились стать казначеем прихода, хотя в этом назначении виден явный расчет: батюшка хочет поэксплуатировать вашу известность.

— А что в том плохого, если это на общее благо? У нас уникальное церковное здание — Софии Премудрости Божьей, это на Софийской набережной, напротив Кремля. Храм нуждается в реконструкции, необходимы огромные деньги, поэтому каждый из прихожан делает, что может. Мои успехи пока скромны.

— Меркантильный вопрос о хлебе насущном. Вы теперь на казначейской зарплате?

— Пока у нас нет для этого денег, поэтому живу на то, что осталось после театра и кино. В конце карьеры я хорошо зарабатывала. Не буду скрывать: уже несколько лет я играла только ради денег. Последние мои работы — «Орестея» у Петра Штайна и телесериал «Королева Марго».

«Марго» еще даже не вышла на экраны, поэтому впереди новый виток разговоров: ах, Васильева, ах, зачем она бросила актерство?

— И у Штайна вы работали из-за гонимых?

— Да, конечно. У меня не было ни сил, ни желания изображать эту Клитемнестру. Год мы играли, гастролировали по всей Европе, и я поддерживала себя уговорами, что хоть все это не даром. Нет, деньги были хороши!

— А работавшие с вами догадывались, откуда вы черпаете вдохновение?

— Честно скажу, я всегда не любила кино, а театр мне нравился. Но и там я никогда не относилась слишком серьезно к своим работам. Мне, конечно, по тщеславному соображениям нравился успех, признание, но со временем и это ушло. Остался единственный интерес: сколько заплатят и за что? Должна сказать, что благодаря батюшке я за все эти годы не вляпалась ни в одну гадость. Отец Владимир строго следил за моим репертуаром, и я отказывалась от очень многих ролей.

За это Господь давал мне шикарные работы.

— Значит, все-таки шикарные?

— В смысле — дорогие по оплате!

— И все-

таки: Петер Штайн догадывался, почему вы у него играли?

— Мы с ним из-за этого и разругались страшно. Он до сих пор моего имени слышать не может, визжать начинает. Хотя, по-моему, все нормально. Ему нужна была актриса, а мне — деньги.

— А вам не стыдно?

— Я очень этим довольна. Это была чистая накладка.

— Полагаете, это порядочно?

— По отношению к немцам — да.

— За что вы их так?

— За все.

— Так вы еще и шовинистка?

— Я патриотка. А вы космополит?

— Обменялись: ничья. Продолжим о Штайне.

— Да, это была моя маленькая подлянка. Очень удачная... А Штайну — урок. Не будет нас больше называть русскими свиньями.

— Забавно: не ролью гордитесь, а тем, как режиссера в дураках оставили.

— И какого режиссера!

— Если вы сегодня согласитесь вернуться на сцену, наверное, вам любые деньги заплатят. Это же скандал будет.

— Да, но я не возвращусь. Тем более ради денег. Лучше квартиру буду сдавать.

— А сами где жить станете?

— Все вам расскажи! Потеснюсь.

Как-то ведь люди обходятся.

— Да, квартира ваша дорогого стоит.

И место отличное. С видом на Белый дом...

— Сейчас вы, конечно, спросите об октябре 93-го.

— Считайте, уже спросил.

— Было время, когда я очень переживала все политические перипетии. Расстрел парламента меня просто потряс. Ум зашел за разум, и я духовно, повторяю: духовно — очень ослабла. А в такие моменты верующий человек не на баррикады должен идти — молиться.

— А вы, значит, пошли на баррикады?

— Почти. Если бы не церковь, могла бы. Отувиденного тогда у меня наступил сильный и долгий срыв. Я заняла активную гражданскую позицию, без конца смотрела все эти политические передачи по телевизору, будучи человеком азартным, страшно заводилась, писала статьи в «Правду», давала интервью «Советской России» — других изданий для меня не существовало. Потом батюшка вразумил меня.

Больше политикой я не занимаюсь.

— А вас звали поучаствовать в последней предвыборной кампании?

— Конечно. Приглашали с обеих сторон. Я отказалась.

— Но свой выбор сделали?

— Как церковный человек я буду поддерживать ту власть, которая поможет православию.

— Борис Николаевич помогает?

— Покажет жизнь. А то,

что Господь его выбрал... Нет, не выбрал — попустил. Понимаете, все в мире делается либо по воле Божьей, либо по его попущению. Бориса Николаевича Господь попустил.

— Значит, Бог с ним?

— Получается, да. Все в руках Божьих. И президент, и вы, и я. Это прекрасно.

— Не смог вспомнить: в прошлом году праздновали ваш юбилей?

— Очень скромно. Дома.

— Широко отмечать не предполагалось?

— Кто же мне это предложит? Я столько лет демонстративно презирала все эти гонимые, а теперь ждаль, что они торжества в мою честь затеяют? Смешно!

— Наверное, иные из экс-коллеги смотрят сегодня на вас как на сбрендившую тетку?

— Не исключаю. Я прекрасно знаю, что говорят обо мне на своих кухнях московские интеллигенты. Но я не намерена ориентироваться на этих людей, не хочу подстраиваться под тех, кто не думает о дне Страшного суда, когда каждому придется держать ответ. Православный в глазах неверующих всегда выглядит как сумасшедший, а у нас просто ценности разные.

— Но и вы же сидели на этих московских кухнях.

— Я вовремя ушла, а иначе не было бы у нас этого разговора. Господь меня спас. Интеллигенция — это очень вязкая среда, из нее выбраться чрезвычайно сложно. На моем социальном уровне, с моей известностью убежать из того мира практически невозможно. Милость Божья!

— Почестями вы были обласканы?

— Не особенно. На какие-то съезды, правда, избиралась, иногда в президиумы приглашались. Звание народной артистки мне дали в 87-м году — за работу у МХАТе.

Постепенно все эти внешние атрибуты славы перестали меня волновать, и я вырвалась из того болота. Мне и этого простить не могут. Я ведь прекрасно знаю московскую тусовку. Не будь я православной, начала бы сейчас избаловать, такое вам порассказала бы о московской интеллигенции, что у вас рот раскрылся бы.

Кстати, одно наблюдение. Меня, как вы понимаете, продолжают узнавать на улицах, задавать вопросы. И большинство людей поддерживает мой выбор, говорит слова благодарности за то, что я решила служить Богу. Ваш — бывший мой — круг псевдоинтеллигенции очень узок. Совершенно прав академик Игорь Шафаревич, называя вас малым народом. К сожалению, пресса, вся государственная идеология отражают интересы этой вашей гоп-компании, а народ у нас совсем другой — даже в Москве, в ужасной, прожженной Москве. Я совсем не чувствую себя белой вороной. Это в нашем обществе я чужая, а там — среди нормальных людей — я дома.

Раньше цепляла на нос темные очки, старалась проскочить незамеченной, а теперь довольна общением, потому что оно стало иным. Вижу вокруг себя столько мужественных, стойких лиц, настоящих воинов Христовых, что радуюсь и горжусь: мне есть к чему стремиться.

— И с кем из настоящих воинов вы сегодня общаетесь?

— Нет, не могу назвать фамилий.

— Опять вы отвечаете, как партизан на допросе. У вас действительно есть ощущение, что вы в тылу врага?

— Конечно. В тылу. А что? Я этого и не скрываю.

— На Большую землю-то прорветесь?

— У верующих Большая земля — царствие небесное. Для вас сегодняшнее реально, а для меня — царство Божье. Главное будет завтра. Это не объяснить словами.

...Вы настойчиво спрашивали о перемене, произошедшей со мной. Самое страшное — это октябрь 93-го. А в нем не было ничего ужаснее толпы, стоявшей на мосту и рукоплескавшей танкам, которые били по Белому дому. Я тоже была на мосту и видела это: дамы с собачками, молодежь... Они пришли посмотреть спектакль и бурно приветствовали каждый залп. А это был расстрел русскими русских!

Это и есть безбожие. Это то, что произошло в двадцатом веке с Россией. Мы ведь все — вся страна! — стояли на том мосту...

— А вы молились тогда?

— Да. За тех, в кого стреляли.

Андрей ВАНДЕНКО.

